

«Осеницы» - генезис бытования и процесс обрядового изготовления в народном календаре Шебекинского края

Занимаясь изучением музейных коллекций, подчас происходит удивительный феномен: предметный факт былой жизни наших предков разворачивает перед исследователем удивительную картину старинного обряда.

Таким в старину важным, нужным, но малоизученным обрядом осени Шебекинского края стало изготовление «осениц».

Осеницы – это длинные конопляные, позже грубо-льняные рубахи, расшитые скупой и почти одними черными нитями. Носили осеницы только пожилые женщины с момента утрачивания способности к зачатию. Отличительным признаком осениц был почти ровный, не сильно расширяющийся книзу, силуэт раскроя рубахи (поскольку не предполагалось изменение женской фигуры при беременности, а также особое ношение старухами поневы в крае – часто без подвязывания кушаком). Еще одна особенность осениц – отсутствие ластовиц, которые, вточенные в рукава, давали свободу движениям рук, что в пожилом возрасте селянкам, видимо, не требовалось.

Осениц сохранилось немного, поскольку донашивались женщиной в старости почти все осеницы и хоронили ее в лучшей же из них.

Осеницы «ставили» все: старушка, углядевшая скудость запасов своих осениц, привычно брала в пальцы иглу и нити.

Женщина, только подступающая к пожилому возрасту, заблаговременно заботилась о том, чтобы не опозориться перед соседками. При этом осеницы – это не просто ритуальная старческая одежка, это произведение народного костюма, эстетически выверенное, с глубоким смыслом и особой неяркой красотой облика. И потому шили женщины не абы как, а с особой тщательностью, уступающей, наверное, только пошиву свадебного наряда. Осень жизни, воплощенная в женских осеницах так же важна в жизни старинного человека, облегчая ему путь к закономерному завершению круга жизни.

Даже юницы и невестящиеся девки шили их. Ведь, одаривая все семейство жениха своим рукоделием, как не порадовать бабушку или престарелую тетю собственноручно изготовленной осеницей? Пусть выходило подчас неловко, не всегда умело, да под рассеянным руководством замотанной подготовкой к свадебным осенним хлопотам матери – но приданое без осеницы, хотя бы одной, послужило бы поводом зубоскальных корилок всем селением.

Невесте, у которой накануне свадьбы при осмотре приданого обнаружилось досадное отсутствие столь нужной вещи, пачкали свадебные сани белым мелом. А могли и черного угля в шапку насыпать и преподнести на второй день свадьбы, со словами «Тебе (имя) черных нитушек от хозяйки велено передать». В течение всего дня новобрачная не избавлялась от злополучной шапки: где бы не оставила ее, селяне находили угли и снова вручали с теми же словами. Молодицу же, занимающую очередь у колодца среди других молодых селения, могли звонко и на всю улицу послать «осеницу дошивать», не мешаться в очереди с хорошими рукодельницами.

Часто осеницы шили молодки и уже будучи в браке, но до первого ребенка. Осеницей одаривали престарелую крестную в том случае, если она хорошо постаралась на свадьбе девушки или дала хорошее приданое ей в хозяйство. Такая осеница была почетна и славилась крестной на все свое и крестные села. Собственного изготовления или же неношеную осеницу родственницы могли отдать престарелой повитушке в залог ее своевременного прихода на роды в эту хату. Женщина на позднем сроке всегда хранила это изделие, часто вместе с одним-двумя кусками мыла в приметном месте, чтобы быстро отослать повитушке при наступлении схваток.

Осеницы шили по правилам. Шили их всегда осенью и почти во все дни. Исключение (и строжайшее) составляли дни женского «роздыха»: «бабий гул» (в сентябре, после уборки последних зерновых и зачистки поля), «бабье лето» (в октябре, после подготовки хаты к зиме) и «карагодник» (после окончания масловых заготовок капусты, брюквы, репы и сбора последних лесных плодов). К крою приступали еще в светлые дни сентября. По размеченной ткани иногда просили поползать младенца соседки или своей же молодницы – это обещало легкую, безболезненную, без особых хворей старость. «Как ползет малех-малехонек, так чтобы я доползла до домовины» - приговаривали при этом.

Затем осеницу требовалось сшить. Это было торопливым действием, которое сделать нужно было за один день, стараясь даже не прерываться надолго. «Коль осеница перележит (надолго будет оставлена рукодельницей) – будешь всю старость падать и подниматься» (то есть старость будет лежащая, без движения). Выбирали «легкий» день, вторник, четверг. Плохо, если приходили гости – хлопоты по их приему предвещали немирную старость с заботами. Может быть, поэтому в слободе Белой (ныне с. Белянка) и стороже Зимней (ныне с. Зимовное) для сшивания осеницы вообще уходили из хаты в лесок.

После торопливого сшивания осеницы, далее спешить не следовало. Приступали к росшиву. Черные нити (в этнически украинских селениях иногда брали и немного красных) в первый день росшива намечали сектора вышитой части осеницы. Их было чаще всего от двух до трех. С длинными, монотонными песнями об одинокой кукушечке, о медленной речке, старой ивушке приступали к расшиванию осеницы «лесенками» и «дорожками» - считалось, что они проложат легкую дорогу к старости и затем к окончанию жизни.

Затем вплетали частые мотивы «суши» - видоизмененной «зерни», всегда без красного цвета. Вершиной росшива осеницы были черные горлицы, ягоды и древа жизни (но в отличие от общебытового мотива на рушниках, рубахах молодок дерево будто угасает, чернее, является уже только знаком отошедшего плодородия). Скупое и неброское «дорожками» очерчивали ворот и рукава. На этом осеница считалась готовой, и тут же, без лишних взглядов на нее занимало место в старческой или невестушкином сундуке. Примерять или хвастаться осеницей не следовало, как и заранее извещать об окончании работ по ее изготовлению – не то это предвещало внезапную, неожиданную старость.

Осеницы, старинные изделия народного ремесла, так много могут рассказать нам о пусть мелких, маловажных, но таких трогательных и интересных обрядах прошлого, составляющих золотое наследие Белгородчины.